

Доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений, председатель Международной ассоциации исследователей Золотой Орды, лауреат Государственной премии Республики Татарстан в области науки и техники **Вадим Винцерович Трепавлов** родился 10 декабря 1960 года в Свердловске. В 1983 году окончил исторический факультет Уральского государственного университета. В 1988 году защитил кандидатскую диссертацию по теме «Социально-политическая преемственность в государственном строе Монгольской империи XIII в.». В 1987–1988 годах – научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения Академии наук СССР, с 1988 года – научный сотрудник Института истории СССР. В 2002 году защитил докторскую диссертацию «История Ногайской Орды». С 2013 года входит

в состав экспертного совета ВАК РФ по истории. Является членом диссертационного совета по истории России до XX века Института российской истории РАН, членом редколлегий журналов «Российская история», «Этнографическое обозрение», «Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН», «Золотоордынское обозрение», а также членом редколлегий периодических сборников «История народов России в исследованиях и документах» и «Тюркологического сборника». Живёт и работает в Москве.

Предлагаем вниманию любителей истории и специалистов интервью, которое дал **Вадим Трепавлов** летом 2021 года специально для читателей «Казанского альманаха». Собеседник известного учёного – его коллега, сотрудник Академии наук РТ и член Татарского ПЕН-центра, лауреат Государственной премии РТ в области науки и техники **Булат Хамидуллин**.

Вадим Трепавлов:

интервью

«Золотой Орды давным-давно нет, а интерес к ней огромный»

***Б. Хамидуллин.** Вадим Винцерович, читателей «Казанского альманаха» интересует ваше видение истории Золотой Орды, её политического, социально-экономического и культурного развития, а также исторического наследия, отражения в мировой научной историографии и современных учебных пособиях России.*

В. Трепавлов. Можно начать с того, что на протяжении столетий образ жизни кочевников Евразии оставался мало-

подвижным. То же можно сказать и об их социальном строе. Первые каганаты V–IX веков и тюркские ханства позднего Средневековья были сходными по многим признакам. Это позволяет предполагать, что существовала какая-то устойчивая, практически неизменяемая матрица кочевой общественной структуры и государственности. В истории проявляется некий набор характеристик, которые были присущи евразийским кочевникам на протяжении их истории (по крайней мере, с рубежа эр до XVII



Доктор исторических наук, председатель Международной ассоциации исследователей Золотой Орды В. В. Трепалов

века). Мы видим в политическом развитии евразийских степей своего рода маятник – периодическое движение от разрозненных кочевых общин к каганатам-империям и обратно. Время от времени возникала тенденция к объединению кочевого мира. Но она парадоксальным образом сочеталась с незыблемостью института атомизированных мелких кочевых коллективов (улусов), ведущих автономное скотоводческое хозяйство.

Известно, что кочевая экономика была нестабильной, зависела от природных изменений и политических катаклизмов. Соответственно скотоводческим обществам была присуща и стадийная цикличность (наилучшим образом это описано и теоретически обосновано в трудах Н. Н. Крадина и А. М. Хазанова). Существует много однотипных примеров вырождения кочевых улусов в могущественные степные державы, которые впоследствии распадались и возвращались к исходной стадии кочевого улуса. Можно догадываться, что в организации улуса содержался потенциал для превращения его в кочевую империю. Такой потенциал

пребывал в «летаргическом сне» в ожидании подходящих условий.

Это верно, должно быть, не только для кочевого общества. Но именно для него присутствие в его устройстве черт, признаков, элементов, компонентов разных стадий развития было гораздо более актуальным, чем для оседлых цивилизаций. Когда объединение земледельческих общин достигает уровня государственности, то черты предыдущих уровней развития (так называемые уклады) начинают постепенно отмирать за ненужностью. Общество всё жёстче организует себя на новой стадии и совершенствует своё новое состояние. Следы предшествующего социального устройства постепенно хиреют и исчезают как пережитки.

У кочевников же всё по-иному. У проживающих, например, в каганате, не происходит отмирания кочевой общины, поскольку первая же эпидемия или вражеская агрессия способны уничтожить их политическую структуру, и им приходится возвращаться на один из предыдущих этапов развития. Вся общественная организация степняков

была объективно подготовлена к подобным перипетиям. Невостребованные до поры до времени схемы социально-го жизнеустройства откладывались в исторической памяти, героическом эпосе (как своде образцов для подражания предкам), обычном праве и др.

Все эти явления удобно изучать на истории Монгольской империи и её северо-западной провинции – Улуса Джучи (Золотой Орды). Традиционные нормы государственного строительства и организации экономики, культурные стандарты, присущие кочевникам и практиковавшиеся у монголов в начальный период создания империи, оказались наиболее жизнеспособными на степных территориях империи – в Коренном юрте (Монголии) и Джучиевом улусе. Этого нельзя сказать об улусах Чагатая (в его мавераннахрской части) и Хулагу. Оседлые цивилизации, включённые в империю Чингизидов, имели собственную развитую государственность и культуру, поэтому правление завоевателей там осуществлялось руками местных властей (Русь, Уйгурия, страна енисейских кыргызов и др.), или пришельцы-монголы сами перенимали локальные административные системы.

Нужно учитывать, что в первые десятилетия после смерти Чингисхана его авторитет как основателя державы и священного предка регламентировал многие аспекты внутри имперских отношений. Преклонение перед создателем Еке Монгол Улуса обеспечило на первых порах сохранение завещанных им политических структур и идеологических установок. Однако со временем, по мере социального развития в улусных ханствах и культурных изменений в среде центрально-азиатских мигрантов на завоеванных землях, постепенно складывались иные формы политической, хозяйственной и культурной жизни. В улусных ханствах набирали силу мощные традиции, которые существовали в порабощённых странах до завоевания. Их правящие элиты вынуждены были приспособляться к местным условиям. Джучиды и Хулагуиды приняли ис-

лам и вместе с ним ориентацию на городское мусульманское чиновничество и купечество; юаньские императоры китаизировали двор и всё государство, установив налогообложение, провинциальное деление и чиновничий аппарат в традиционно китайских формах.

Улус Джучи существовал в относительно более многомерном цивилизационном пространстве, чем чингизидские ханства в Средней Азии, Иране и Китае. Ордынская верховная власть опиралась не только на квалифицированных бюрократов, но и, в равной степени, на сотни тысяч рядовых степняков, которые составляли основную массу налогоплательщиков и основу армии. Масса простонародья (*кара киши*, *кара халк*) продолжала вести привычный и престижный кочевой образ жизни. Это придавало государству своеобразие, порождало сосуществование кочевых и оседлых традиций. В истории Золотой Орды происходили разнообразные политические перипетии, наступали экономические трансформации, разражались природные катаклизмы, и оседло-земледельческое цивилизационное начало (оно подпитывалось, в основном, из Хорезма и отчасти из Крыма и бывшей Волжской Булгарии) то усиливало свой удельный вес в государстве, то ослабевало, уступая место кочевническим нормам жизни.

К началу XIV века в основном закончилась первичная «этническая» (на уровне племён-элей) консолидация тюркских кочевников Золотой Орды. Сумятица, внесённая монгольским завоеванием и отстранением от власти прежней кипчакской знати, уступила место стабильному существованию в могущественной и богатой империи. На просторах бывшего половецкого «Дикого поля» установилась жёсткая и стройная улусная система с десятичным делением населения. Ордынское правительство не допускало самовольных переходов из одного улуса в другой, чтобы не нарушать стройной организации налогообложения и военной мобилизации. Относительно мирная и

сытая жизнь на протяжении десятилетий имела благоприятные демографические последствия. Степные племена множились, делились и ветвились, и их предводители-беки обретали всё больше подданных. В кочевом мире это означало повышение социальной значимости и политического влияния нединастической знати.

Первые явные признаки усиления влияния беков в государстве проявились при хане Тохте (1291–1312), когда неродовитые сановники были допущены на высшие административные посты. То же продолжилось при Узбеке и Джанибеке. А уже после Джанибека предводители элей выступили как самостоятельные участники государственной политики. В то время им уже было по силам соперничать с ханской властью.

Несомненными стимулами их выхода на политическую арену были особенности экономического развития Золотой Орды: в ней формировались замкнутые экономические провинции. Это явление давно отмечено историками, но обычно в нём видят основу для сепаратизма и неповиновения центральному правительству. Однако при определённых условиях опора на ресурсы провинциальных улусов могла способствовать не только отделению от стольного Сарая, но и давлению на правительство или даже манипулированию им.

Вхождению беков во власть парадоксальным образом, очевидно, помогла и «Чёрная смерть» – пандемия чумы середины XIV века. Она поразила прежде всего города – места массового скопления оседлого населения. К тому времени высшие городские сословия преобладали в управлении Ордой, определяли политику государства. Теперь же они ослабли и численно уменьшились. Их место частично заняла аристократия кочевых степей.

По мере развития (а позднее по мере ослабления) ордынской государственности всё более заметное место в ней начинают занимать беки высшего ранга – беклербеки. Истоки этого ад-

министративного института я склонен видеть в тюрко-огузской кочевой государственности раннего Средневековья. Самыми известными в истории беклербеками были, как известно, Мамай и Идегей.

Появление должности беклербека было одним из показателей развития Золотой Орды. Во-первых, развития административно-политического: в лице главного бека и его двора постепенно оформлялось специализированное военное ведомство государства. Однако давление архаичных устоев и кризис Улуса Джучи не позволил завершиться этому процессу. Во-вторых, развития социального. Беклербек появился не ранее того времени, когда в Золотой Орде полностью сформировалось многочисленное аристократическое сословие беков. Их нужно было выстроить в стройную структуру, распределить по рангам. Хотя наука ныне отвергла известную концепцию «кочевого феодализма», в этой тенденции, пожалуй, просматривается так и не реализовавшийся потенциал будущих сеньориально-вассальных отношений, местных порядков, феодальной лестницы и прочих институтов классического феодализма.

Условно можно считать, что военные дела и связанная с ними улусно-удельная система находились в ведении беклербека и иерархически подчинённых ему трёх карачи-беков; невоенными делами (прежде всего, финансовыми) ведали везир и подчинявшаяся ему канцелярия-диван. Другими словами, кочевые жители Золотой Орды и их родоплеменные лидеры-беки находились в основном под надзором беклербека, а оседлые подданные – под надзором везира. Если институт беклербекства был порождением тюркской государственной традиции, то везир и диван – это результаты заимствования мусульманских государственных институтов.

Роль хана при подобном распределении компетенции сводилась к верховному контролю над сановниками, арбитражу при разногласиях между ними, принятию окончательных решений в

принципиальных вопросах. Не случайно средневековые наблюдатели замечали, что джучидский монарх «обращает внимание только на сущность дел, не входя в подробности обстоятельств, и довольствуется тем, что ему доносят, но не доискивается частных отношений взимания и расходования». Правда, такая отстранённость хана от повседневных дел была характерна для XIV и, может быть, последних десятилетий XIII века. Первые же правители Улуса Джучи, Бату и Берке, досконально вникали во все детали управления, поскольку ещё только налаживали действие государственной машины.

Наряду с возрождением социальной роли тюркских беков, в Улусе Джучи XIV–XV веков и в «постордынских» ханствах был реанимирован институт курултая как собрания «всей земли» (по терминологии русских источников) в Казани, Крыму и Астрахани. Курултай решал важнейшие вопросы государственной политики. Это традиционное для тюрков и монголов учреждение практически не заметно в управленческой структуре Золотой Орды второй половины XIII–XIV веков. Номинально курултай, вероятно, всё-таки существовал, но собирался лишь в исключительных случаях или по торжественным поводам (провозглашение нового государя). Скорее всего, в реальности курултай уступил место самодержавной воле монарха и управленческому искусству чиновной бюрократии. В «постордынском» же мире, в условиях угасания инерции государственного потенциала Золотой Орды, произошла реанимация архаичных учреждений – таких, как курултай (преемник народных собраний) и совет из карачи-беков – предводителей ведущих кланов-элей (тоже ожившее наследие тюрко-монгольской старины).

Можно предполагать, что появление традиционных элементов политического устройства в Улусе Джучи было проявлением возрождения «матричных», домонгольских форм государственности, присущих данному региону Евразии. Подобным же образом происходи-

ла китаизация управления в империи Юань («Улусе великого хана») и иранизация у Хулагуидов. В этом отношении дополнительный смысл приобретает известное замечание египетского хрониста XIV века ал-Омари о том, что «земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (татар), и все они стали точно кипчаки». В этом смысле можно утверждать – пользуясь выражением арабского автора – что китайская «земля» одержала верх над монголами в Китае, а персидская «земля» – в Иране.

Одну из причин возрождения традиционных тюрко-монгольских институтов можно видеть в примитивизации, цикличности, обратимости развития кочевых политий, о чём я говорил в начале. Однако явление ренессанса традиционных институтов, вероятно, служит также проявлением некоторых общих закономерностей социальной самоорганизации, средством приспособления людей к ухудшившимся условиям существования. В критические периоды своего исторического развития кочевники возвращались к тем нормам общественной и хозяйственной жизни, которые составляли своего рода матрицу их общественного бытия, то есть были привычны, традиционны и освящены опытом предыдущих поколений.

Б. Х. *В июне 2019 года в Татарстане, в стенах Института истории им. Ш. Марджани АН РТ прошёл VI международный Золотоордынский форум «PaxTatarica: Генезис и наследие государственности Золотой Орды», посвящённый 750-летию Золотой Орды. Участниками форума стали более 100 исследователей из 14 стран, в том числе и вы, и я. Я знаю, что вы лично не совсем согласны с датой «1269» как годом образования этого независимого от Монгольской империи государства. Не могли бы подробнее высказать свою точку зрения?*

В. Т. Мне известно, что казанские коллеги не вполне разделяли идею о

том, что от 1269 года можно отсчитывать историю собственной самостоятельной государственности Золотой Орды. Эта инициатива родилась в Казахстане. 2019 год казахстанские коллеги сочли удобным для начала (точнее, убеждения власти поддержать) кампанию за то, чтобы отметить 750-летие съезда представителей трёх улусов Монгольской империи на берегу реки Талас. Этот съезд (курултай) принял решение о взаимном признании сюзеренитета трёх династических линий Чингизидов. На этом съезде якобы произошёл юридический распад империи, и составлявшие её улусы обрели независимость от имперского правительства. Однако на самом деле Монгольская империя продолжала существовать и после Таласа, хотя и в урезанном виде, так как её монголо-китайская (Юань) и иранская (Ильханство) части продолжали находиться в её составе.

Отделение окраинных владений от монгольской «метрополии» началось раньше 1269 года и продолжалось позже. Это было неизбежно для державы столь немислимых размеров. Кроме невозможности оперативно управлять государством на таких пространствах при тогдашних условиях и средствах коммуникации (даже при отлаженной почтовой системе ямов), к распаду толкали противоречия в правящем доме Чингизидов. Эта династия постоянно численно разрасталась, и после смерти своего основателя в 1227 году среди её членов никогда не было полного единства. Правители Улуса Джучи довольно рано стали проявлять стремление если не к сепаратизму, то к максимальной самостоятельности в своих владениях. Конечно, Чингисхан понимал будущие риски, наблюдая сложные отношения между своими сыновьями: высокомерным и замкнутым Джучи, свирепым и беспощадным Чагатаем, неразлучным с ним добродушным пьяницей Угэдэем и степным рыцарем, искусным воином Толуем, преданным своей семье. Очевидно, чтобы избежать возможные будущие расколы, при строительстве

Монгольской империи был заложен принцип, когда на территории улуса одного Чингизова сына выделялись владения, доходы с которых шли в пользу других сыновей. Как показало время, такая система работала в финансовом отношении, но от распрей она не уберегла.

Правители Улуса Джучи проявили свой норов довольно рано. Ещё Берке препятствовал проведению общеимперской переписи на Руси, а в середине 1260-х годов он и его преемник Менгу-Тимур приказали демонстративно ставить на монетах, что чеканились на подвластных им землях, свои тамги вместо геральдических символов императора-каана. К тому же Берке находился в жёсткой оппозиции к каану Хубилаю, которого считал узурпатором. И в этом отношении он был не одинок среди правящей монгольской элиты.

Видели ли в монгольской столице опасность распада империи? Полагаю, что да – и пытались найти компромиссные пути недопущения фатального кризиса. Тот же Хубилай в 1260 году обратился с посланием к правителям улусов: «В областях смута. От берегов Джейхуна [Амударьи] до ворот Мисра [Египта] войском монголов и областями тазиков должно тебе, Хулагу, ведать и хорошо охранять... С той стороны Алтая и до Джейхуна пусть охраняет ведаёт [Чагатайским] улусом и племенами Алгу, а с этой стороны и до берегов моря-океана я буду охранять». Подтверждая незыблемость улусной системы, каан не оговаривает здесь свою верховную власть над империей. Её территория – ещё за 9 лет до Таласа! – делится на своего рода зоны ответственности, одну из которых Хубилай оставляет за собой. Он не упоминает главу Золотой Орды Берке, но его господство в северо-западной части державы было прочным и неоспоримым.

Не следует расценивать поступки людей 800-летней давности посредством современных категорий. Чингизидская элита вовсе не ставила перед собой сознательную задачу растащить

наследие великого предка по улусным осколкам, сформировать там собственную идентичность, упиваться славой былых побед и смаковать былые обиды от бывших друзей и покровителей (как это кое-где встречается в среде политиков и интеллектуалов некоторых новообразованных государств, видящих в Золотой Орде «золотой век» своей истории).

Созданная гением Чингисхана и стараниями его детей и внуков, оплаченная жизнями сотен тысяч монгольских, тюркских и прочих воинов империя представляла собой слишком большую символическую и нравственную ценность, чтобы однажды «юридически ликвидировать» её на речке Талас. (Впрочем, чего только в истории не бывает: вспомним 1991 год.) Кроме того, полному распаду препятствовали экономические интересы – трансконтинентальные торговые караванные пути, которые наладились задолго до монгольских завоеваний, и те самые перекрёстные владения одних улусов в недрах других. Поэтому в самом начале XIV века ханы западных улусов вновь признали верховенство каана, Правда, в тот раз период номинального единства оказался недолгим.

Так что приурочивание независимости Золотой Орды к 1269 году я считаю результатом упрощённого, а со стороны некоторых коллег и конъюнктурного подхода.

Б. Х. *Уверен, что одной из самых интересных тем истории Золотой Орды для читателя этого интервью будет тема русских княжеств в составе Золотой Орды. Каким был статус русских территорий в составе золотоордынского государства, каков был уровень интеграции русской элиты внутри ордынской аристократии и уровень интеграции русского населения в пределах обширного государства Чингизидов-Джучидов? Иными словами, насколько заметным было нахождение русских княжеств в составе единого политического простран-*

ства, и насколько серьёзной была их самостоятельность внутри этого пространства?

В. Т. Монгольская империя изначально включала, наряду с уделами сыновей Чингисхана (в том числе Улусом Джучи – Золотой Ордой), ещё и наместничества и автономные владения разного ранга. Русь как часть империи находилась точно в таком же положении, как Уйгурия (в современном китайском Синьцзяне), Рум (сельджукская Малая Азия – современная турецкая Анатолия), Грузия, страна енисейских кыргызов. Все эти государства, подчиняясь верховным монгольским властям, сохраняли собственных правителей и домонгольское внутреннее устройство. С ослаблением Монгольской империи, во второй половине XIII века, от неё постепенно отделилась Золотая Орда. Соответственно Русь утратила связь с имперским центром и стала подчиняться только ханам этого Улуса. И на вопрос: входила ли Русь (Северо-Восточная, то есть великие княжения Владимирское, Тверское, Рязанское, Суздальско-Нижегородское) в состав Золотой Орды? – я сейчас склонен отвечать утвердительно.

От распавшейся империи Орда унаследовала управление русскими данниками. Они теперь составляли часть её подданных, но не в рамках обычной для кочевников улусной системы, а как владения иного рода – как плательщики «выхода» и других податей, управляемые князьями на основании жалованных ярлыков, без непосредственного контроля ханской администрации.

Понятие «улус» по отношению к Руси встречается и в словах ордынцев, передаваемых средневековыми хронистами, и в русских летописных и литературных текстах, отразивших эпоху XIII–XIV веков. Вот один князь просит хана («царя») «пожаловать его отчиною его и дединою, а своим улусом, великим княжением Тферским», и тот ему «даде улус свой, великое княжение Тферское»; вот другой князь «ищет сто-

ла своего великого княжения, а твоего оулуса по твоему цареву жалованию... А ты волен во своём оулусе кого восхочеш жаловати по твоей воле»; вот третий князь жалуется, что правитель Литвы Московское княжество – «царев улусъ, а князя великаго отчину испустишил» и т. п. (подобные примеры многочисленны).

Русские земли воспринимались как часть золотоордынского государства иноземными наблюдателями на Востоке и на Западе. При описании территории Улуса Джучи в арабских и персидских источниках страна русских непременно значится в её составе. Автор энциклопедии, составленной в Египте в начале XV века, среди провинций Золотой Орды называет «округ десятый страну Рус». На европейских картах-портоланах XIV века на башенках, обозначающих Москву, Ростов, Тверь, Рязань и Новгород, развешаются флажки с ордынскими тамгами. Эти эмблемы иллюстрировали убежденность картографов в пребывании главных центров Северо-Восточной Руси в подданстве того, чью власть символизировала тамга – двузубец дома Бату.

В XIV веке первоначально единый «Русский улус», «Русский вилайет» стал восприниматься в Орде как совокупность нескольких самостоятельных княжений-улусов (плюс русские земли Великого княжества Литовского с не вполне ясным статусом). Князья-правители этих улусов, ханские «улусники», в силу признания верховной власти ордынского падишаха, получения от него ярлыков на княжение, выплаты налогов и участия в военных кампаниях на стороне (и в составе) ордынских войск, как справедливо отмечает наш воронежский коллега Ю. В. Селезнёв, оказались включены «в систему взаимодействий элиты Джучиева улуса на правах улусных владетелей». Однако этот автор причисляет князей к категории темников и тысячников, что представляется мне несколько сомнительным. Скорее их следовало бы уподобить аналогичному рангу ордынской нединастической аристократии – нойонам, бекам, эмирам.

Как определять подданство населения и принадлежность территории в средневековую эпоху? Надёжными критериями мне представляются выплата налогов в общегосударственную казну и инвестиция местных правителей со стороны вышестоящего государства. Именно эти основные показатели – «выход» и ярлык – характеризуют взаимоотношения Руси и Золотой Орды.

Но как обозначать такой статус, если кому-то не нравится устоявшееся «иго»? По этому поводу несколько лет тому назад шла бурная полемика. Кажется, пока примирились на понятии «зависимость»; часто звучит также «вассалитет». Полагаю, что эти термины не описывают положение Руси как автономной части единого государства (к тому же в категориях «вассалитет-сюзеренитет» уместно описывать отношение между правителями, но не положение целой страны). «Русские земли в составе Золотой Орды» – терминологически я так оформил бы своё понимание ситуации.

Б. Х. В некоторых русскоязычных научно-публицистических произведениях уже как минимум с конца XIX – начала XX века, а в западноевропейских трудах – и гораздо ранее, присутствует мысль о том, что Российское государство своими корнями уходит не только в историю Киевской Руси, но и достаточно плотно в историю Золотой Орды. Уже неоднократно в публичном пространстве, в том числе на научных конференциях и в научных монографиях, устами учёных (историков, политологов, этнологов и т. д.) высказывалось мнение, что предтечей современной России является Золотая Орда. Насколько, на ваш профессиональный взгляд, такая точка зрения на историю нашей страны соответствует действительности?

В. Т. Мнения о влиянии Орды на русскую историю существуют очень разные. Всё многообразие оценок помещается между двумя полярными трактовками. Первая – владычество

Золотой Орды было «чёрной полосой» в русской истории, эпохой подавления, унижения и накопления русскими сил для избавления от ненавистного «ига». Вторая – это был русско-татарский «симбиоз», сосуществование в рамках единой империи. Как обычно, истина лежит посередине. Русь многое переняла от ордынцев. Известны бесспорные примеры таких заимствований в финансовой системе, в организации военного дела, почтовой службы и т. д. При этом отдельные приёмы управления и налогообложения были *навязаны* завоевателями побеждённым русским данникам, хотя со временем, за два с половиной столетия ордынского правления, они и укоренились на русской почве.

Перенимание из Орды некоторых явлений и учреждений может свидетельствовать о привлекательности и целесообразности для русских восточных образцов в то время. Но сами по себе они всё-таки не являются аргументом в пользу золотоордынского «наследия» или какой-то исторической преемственности России по отношению к Золотой Орде. Ведь импорт идей и институтов – это общекультурное явление. Оно присуще всем народам и государствам, не исключая Россию. В начале XVIII века управление и администрация волей Петра I были преобразованы на германский и шведский манер; в наше время мы видим, как широко и повсеместно внедряются западные, особенно американские, социальные и культурные стандарты. Но всё это не означало и не означает, будто Россия превратилась в «наследницу» или «преемницу» Германии, Швеции или США.

Однако ко времени образования Российской империи (начало XVIII века) эпоха ордынского владычества осталась в далёком прошлом. Некоторые следы порядков, царивших в Золотой Орде, можно увидеть в устройстве и внутренней политике Московского государства XV–XVII веков, но и оно осознавало себя преемником вовсе не Орды, а православной Византии.

Усваиванию в России опыта разных

культур способствовала и полиэтничность. Она была присуща ещё Древней Руси и Московскому государству. Русские элитные страты традиционно кооперировались со своими иноэтничными «коллегами». Собственно, процесс формирования российского дворянства представлял собой постепенное интегрирование различных по происхождению людей и семей в единую аристократическую корпорацию. На протяжении XVI–XVII веков наиболее заметным был приток в ряды правящего класса аристократов тюркского и черкесского происхождения, в XVIII веке – остзейских немцев, в XIX веке – тех же немцев, а также грузин, поляков и прочих. Таким образом, российское дворянство оказывалось этнически открытым социумом, и на место в его рядах мог в принципе рассчитывать любой представитель нерусской элиты. Разумеется, существовали определённые критерии и ограничения. Могли сказываться и личные предпочтения и привязанности монархов. Известна фраза Николая I: «Русские дворяне служат государству, немецкие служат нам» (то есть лично царю). В целом социальная и культурная русификация (прежде всего переход в православие) облегчала выходцу из неславянской знати рекрутирование в дворянский корпус, а, следовательно, и успешную карьеру.

Полагаю, обращаясь к вашему вопросу, что «предтечей» современной России являются СССР и РСФСР, их «предтечей» – Российская империя, дальше – Московское государство, Владимирское великое княжество и Древнерусское государство, которое до того, как мы рассорились с Украиной, именовалось в нашей историографии Киевской Русью. Золотая Орда, несомненно, оставила глубокий след в государственности, культуре и этническом облике России. В этом смысле её можно считать одним из элементов, компонентов, ингредиентов, которые в виде своего рода кирпичей составили своеобразную полиэтничную российскую цивилизацию. Такими же «кирпичами» были вклад Византии в X–XII веках,

Германии в XVIII веке, коллективно-го Запада в постсоветский период. Но фундамент этой «постройки» – конечно, восточнославянский.

Б. Х. *На ваш взгляд, что содержание в современных школьных и вузовских учебниках России необходимо менять в части отражения истории Золотой Орды и постордынских государств, дабы это содержание максимально приблизить к современному уровню развития исторической науки?*

В. Т. В целом авторы современных школьных учебников сознают важность показа истории российских народов в общем курсе истории нашего государства. Все тексты, с которыми я знакомился, выдержаны в уважительном, объективном тоне по отношению к неславянскому населению России. Однако традиционный для нашей историографии русоцентризм проявляется в общей схеме изложения российской истории. По содержанию, по количественному соотношению сюжетов эта школьная дисциплина остаётся прежде всего историей русского народа.

Было бы неправильно обделять вниманием историю нерусских народов на том основании, что все вместе они составляют ныне лишь около 15 процентов населения Российской Федерации. Иногда для оправдания русоцентризма рядом с Россией ставят какую-нибудь традиционно «моноэтническую» европейскую страну – например, Францию, в которой процент представителей «титупной нации» из-за наплыва афроазиатских эмигрантов теперь оказался гораздо ниже, чем доля русских у нас. Однако в данном случае арифметические подсчёты не имеют значения, поскольку политическое воздействие национального фактора на внутреннюю ситуацию в нашем государстве намного выше «представленности» народов в статистических выкладках.

Здесь хотелось бы напомнить такое очевидное обстоятельство, что до XIII века неславянский компонент в государственности и культуре Руси

ограничивался, пожалуй, лишь византийскими заимствованиями в верхах, финскими заимствованиями в низах да трудноуловимым сейчас иранским (скифо-сарматским) наследием. А вот когда Русская земля оказалась завоёванной монголами, произошёл мощный вброс инокультурных элементов. В научной литературе и публицистике сейчас наблюдается повышенное внимание к восточному компоненту российской цивилизации. Это вызвано несколькими причинами, среди которых относительная популярность евразийской концепции, интерес к трудам Л. Н. Гумилёва, политическая активность элиты тюркских народов и мусульманской общины в сегодняшней России.

Но даже без этих стимулов тема Золотой Орды и ордынского «следа» в русской истории представляется одной из первостепенных по значимости. В современных научных работах начинает утверждаться более спокойный, объективный взгляд на Орду, отказ от интерпретации её как силы, безусловно враждебной Руси. Кроме того, Золотая Орда, охватывавшая обширные части территорий нынешних Российской Федерации, Казахстана Узбекистана, Украины и Молдавии, послужила для многих тюркских народов этнической прародиной, и её население, её культура являются частью истории этих народов – и, следовательно, частью истории всей России в целом.

Однако в школьных курсах пока практически господствует традиционная интерпретация ордынской державы как угнетательницы и поработительницы. Она интересует авторов учебников в первую очередь по поводу организации системы «ига», или, как сейчас договорились формулировать, «зависимости русских княжеств» (ярлыки, дань, запросы, ямы, баскаки и т. д.) и в качестве объекта интриг вокруг великого владимирского стола и нарастающей борьбы русских за независимость.

Та же сверхлаконичность присуща и освещению вопроса о наследниках и «осколках» Золотой Орды – татарских ханствах, которые интересуют авторов

учебников прежде всего как очаг напряжённости на российских рубежах, обречённый на справедливое возмездие (уничтожение). Тюркские государства выступают не в качестве самостоятельного субъекта исторического развития, но единственно как объект восточной политики Москвы.

Причины завоевания поволжских ханств сводится к стандартному набору: прекращение татарских набегов; освобождение из плена множества русских невольников; пополнение земельного фонда за счёт казанской «подрайской земли» для раздачи дворянам плодородных угодий; овладение волжской торговой магистралью. Замечу, что все эти позиции, за исключением последней, могут быть отнесены к завоеванию Казанского ханства (хотя при этом каждая из них остаётся дискуссионной в науке), но не применимы к Астрахани – для России безопасной, отдалённой, окружённой не благодатными пашнями, а полупустынями.

Что касается последствий и исторического значения присоединения Казани и Астрахани, то и здесь большинство авторов остаются верны давно сформулированным тезисам: на восточных границах России воцарился долгожданный мир; Волга на всём протяжении стала «русской рекой»; Волжский и Камский торговые пути оказались в распоряжении российских властей и коммерсантов и т. п. Местные народы вошли в состав многонационального государства, которое приступило к их христианизации (то добровольной, то насильственной), изъятию земель под новые города, монастыри и поместья.

Понятно, что крайне ограниченные рамки школьного курса позволяют концентрировать внимание лишь на действительно значимых событиях, принципиальных для судьбы всего государства. Поэтому необходимо было начать на местах, в регионах, работу по созданию пособий, в которых излагались бы подробности местной (национальной) истории, не вошедшие в федеральные учебники. Во многих республиках и регионах такая работа успешно ведётся.

За последние годы мне неоднократно приходилось рецензировать довольно качественные пособия, написанные, в том числе, в Татарстане.

На основании экспертизы текстов из национальных регионов могу поделиться попутно одним общим впечатлением. Учебники по истории отдельных республик появились у нас относительно недавно, поэтому многие авторы пока не вполне овладели искусством доносить до школьников сложные проблемы прошлого. К тому же большинство авторов профессионально сформировались в советскую эпоху, отчего зачастую – даже помимо своей воли – придерживаются привычных схем в изложении событий. Они лишь меняют позитивные оценки на негативные и наоборот. Многие тексты содержат устаревшие идеологизированные клише типа «царизм», «трудящиеся массы», «классовая борьба», «феодалская верхушка» и др. Авторы многих учебников избегают идеологически острых тем, но при этом зачастую явственно прослеживается тенденция к завышению уровня политического и общественного развития отдельных народов, их культурных достижений. Сюжеты политической направленности преобладают над социальной проблематикой, а прошлое титульной народности конкретной республики заслоняет историю других групп и народов, проживающих на её современной территории.

При этом прошлое других национальных регионов по-прежнему никак не рассматривается, и, например, для школьников Татарстана история Дагестана по-прежнему остаётся неизвестной – равно как и наоборот.

Как выходить из этой ситуации? Один из путей – составить пособие федерального уровня (на первом этапе, возможно, пока только для учителя), в котором изложить основные события и закономерности в истории российских народов, привести яркие фрагменты источников, показать спорные и нерешённые вопросы, обсуждаемые в историографии и публицистике. Причём данное пособие не должно пре-

тендовать на дополнительное место в программе. Очевидно, следует составить его в дополнение к трём основным линейкам учебников, которые сейчас используются в школах. Помещённый в пособие материал можно было бы расположить в соответствии со структурой этих учебников, указав, в какой теме или в каком параграфе может быть рассмотрен соответствующий сюжет. Подобное расширение содержательной базы основного курса может послужить базой также для подготовки учащимися докладов и рефератов, для факультативной и внеклассной кружковой работы.

Не менее важна тема соотношения между информативностью курса и его концептуальной направленностью, то есть что важнее привить школьнику – убеждение или знание. Практически все нынешние авторы концентрируются на последнем в ущерб первому.

Между тем положение в международных отношениях сейчас предельно сложное. На исторически (в течение веков!) сложившиеся противоречия и взаимные претензии насплоились негативные стереотипы и эмоции последних десятилетий. Как и подавляющая часть российского общества, дети подвержены «эпидемиям» исламофобии и кавказофобии. Из средств массовой информации, от взрослых, да и от сверстников при повседневном общении они зачастую слышат негативные оценки мусульман и народов Кавказа – причём далеко не только чеченцев, ведь для обывателя все «лица кавказской национальности» одним миром мазаны. То же можно сказать в отношении разноплеменных выходцев из Средней Азии, которые в России строят дома, подметают дворы, выращивают овощи на фермерских полях ...

В этом отношении просветительская функция школьного исторического курса выходит на первый план и объединяет информационный и концептуальный компоненты. Желательно, чтобы в нём отображались истоки феномена многонациональности, его позитивные и негативные проявления. В

распоряжении современных авторов имеется достаточно данных, чтобы показать историческую ценность оригинальной культуры российских народов и их былой государственности (у тех, которые ею обладали в прошлом), причём ценность самостоятельную, вне обязательной связи с участием данного народа в судьбе России.

Б. Х. Вадим Винцерович, недавно вы возглавили Международную ассоциацию исследователей Золотой Орды. Искренне поздравляю с этим важным событием! Расскажите, пожалуйста, об идее создания этой ассоциации учёных, о нынешней стадии её формирования, иных ваших мыслях по этому поводу «на сегодня» и «на перспективу».

В. Т. К созданию Ассоциации подвела сама научная жизнь. С 2009 года в Казани стали проводиться международные Золотоордынские форумы. На них приезжали в основном одни и те же участники – в общей сумме около сотни человек из разных стран, и стал вырисовываться костяк будущей организации. На последнем, шестом форуме в 2019 году я предложил придать этому сообществу исследователей Золотой Орды организационную форму.

Подобных ассоциаций, комитетов, комиссий в мире довольно много. Что касается тех, что посвящены истории одного государства, то перед нами был пример, прежде всего, византинистов. Они уже на протяжении многих лет собираются на международные конгрессы, по всему миру издают более десятка специализированных научных журналов. При этом Византии, как и Золотой Орды, давным-давно нет, но интерес к ней огромный. Правда, разница в том, что от Восточной Римской империи остался океан источников, а от Орды собственно ордынских документов почти не сохранилось. Но значение Золотой Орды для истории Евразии ничуть не меньше, чем значение Византии. Оба государства суще-

ствовали несколько столетий, оба были полиэтничными, оба оказали огромное влияние на современную им и последующую цивилизацию, и, кстати, оба сейчас называются именами, которые не употреблялись современниками.

И тут нужно сказать об ещё одном важном обстоятельстве. Россия – единственная страна, где существует давняя, почти двухсотлетняя традиция изучения Золотой Орды. В других государствах такой традиции нет. Имеются специалисты, очень квалифицированные исследователи, но, как правило, они рассеяны по различным научным центрам, по университетам, по разным странам

В ноябре 2020 года на собрании представителей региональных отделений Ассоциации мне выпала честь быть избранным её председателем (на шесть лет). Это по большей части представительская должность. Я как председатель теоретически должен представлять организацию при контактах с органами власти, на различных переговорах с административными инстанциями, фондами и т. п. Председатель ведёт форумы и другие собрания Ассоциации. И есть у нас ещё Координационный совет – исполнительный орган, на него возлагается повседневная работа: организация тех же форумов, различ-

ных встреч, публикаций, оповещение членов Ассоциации и постоянная связь с ними. Всё это прописано в уставе Ассоциации, он есть в Интернете.

Не случайно Координационный совет возглавляет руководитель **Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М. А. Усманова в казанском Институте истории им. Ш. Марджани – И. М. Миргалеев**. Именно Центр и лично Ильнур Мидхатович были инициаторами золотоординских форумов. Это организационная основа Ассоциации. Сотрудники Центра создали ещё одну важную основу для неё – периодическое издание «Золотоординское обозрение» – высокорейтинговый журнал, занимающий довольно высокое место в различных базах данных.

В прошлом и в этом году по причине известной ситуации работа Ассоциации вынужденно проходит в основном в режиме онлайн. Однако большинство её региональных дискуссионных клубов, или отделений (казанское, московское, петербургское, воронежское, казахстанское) всё-таки находят возможность встречаться для обсуждения докладов, архивных и археологических находок, свежих идей и новых интерпретаций касательно истории великой державы Средневековья – Золотой Орды.

